

Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

УДК 343.211.3:343.985

doi: 10.35750/2071-8284-2020-4-152-163

Дмитрий Валентинович Кольцов

кандидат юридических наук, доцент

ORCID: 0000-0002-5827-3947, kdv.16@yandex.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Амнистия капиталов и оперативно-розыскная деятельность: реализация абсолютного запрета

Аннотация: Статья посвящена вопросам реализации в теории и практике оперативно-розыскной деятельности такого способа правового регулирования, как «абсолютный запрет». Он был применён законодателем в рамках реализации инициатив Президента Российской Федерации по амнистии капитала и решения задач по обеспечению гарантий правовой защиты имущественных интересов физических лиц, участвующих в добровольном декларировании имущества, конфиденциальности полученной информации, освобождения таких физических лиц от уголовной, административной ответственности и ответственности за налоговые правонарушения. Рассмотрение поставленных в статье вопросов осуществлено на основании теоретических работ учёных, посвящённых вопросам сущности и содержания оперативно-розыскных мероприятий, а также существующей нормативной базы оперативно-розыскной деятельности и смежных наук криминального цикла. В рамках исследования на основании положений ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» конкретизированы и систематизированы положения

абсолютного запрета на проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении рассматриваемой категории лиц. В заключение статьи рассмотрены проблемные вопросы реализации соответствующего метода правового регулирования, а также предложены пути их решения.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскные мероприятия; абсолютный запрет; амнистия капитала; налоговые преступления; специальная декларация; реверсия налоговой базы; права личности; оперативно-розыскной иммунитет.

Для цитирования: Кольцов Д. В. Амнистия капиталов и оперативно-розыскная деятельность: реализация абсолютного запрета // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 4 (88). – С. 152–163; doi: 10.35750/2071-8284-2020-4-152-163.

Dmitry V. Koltsov

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

ORCID: 0000-0002-5827-3947, kdv.16@yandex.ru

Saint-Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint-Petersburg, 198206, Russian Federation

Capital amnesty and law enforcement intelligence operations: implementation of a complete prohibition

Abstract: The article deals with issues relating to the implementation, in theory and practice, of the “complete prohibition” as the mean of legal regulation used within operational-search activity. The legislator introduced this mechanism in the framework of the Russian President’s initiatives on capital amnesty and relevant solutions aimed to ensure legal protection of private property interests of those who take part in voluntary disclosure of assets, of their confidential information, and to guarantee their exemption from criminal, administrative and tax liabilities. The issues covered by the article are analyzed basing on theoretical surveys on operational-search activity, as well as on their current regulatory framework and related corresponding criminal sciences. The article specifies and classifies provisions of the complete prohibition of operational-search activity in respect of the considered categories of individuals. In conclusion, the practical challenges of this legal regulation mechanism are examined and the ways to tackle them are suggested.

Keywords: operational-search activity, operational-search measures, complete prohibition, capital amnesty, tax crime, special tax declaration, reversal of the tax base, human rights, operational-search immunity.

For citation: Koltsov D. V. Capital amnesty and law enforcement intelligence operations: implementation of a complete prohibition // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 4 (88). – P. 152–163; doi: 10.35750/2071-8284-2020-4-152-163.

Одним из распространённых способов правового регулирования общественных отношений является установление различных видов запретов и ограничений. Сущность и содержание данных понятий во многом относятся к предмету теоретической научной дискуссии [1; 2; 3], тем не менее следует отметить, что основным критерием их дифференциации

является направленность ограничения «не на полное вытеснение того или иного общественного отношения, а на удержание его в жёстко ограниченных рамках»¹.

---

¹ Фаткуллин Ф. Н. Проблемы теории государства и права : курс лекций / науч. ред. М. Н. Марченко. – Казань: Изд-во Казан. ун.-та, 1987. – С. 157.

Правовые запреты подразделяются на несколько видов, одним из которых является абсолютный (недифференцированный) запрет (далее – абсолютный запрет). Он характеризуется императивным характером и не предусматривает каких-либо исключений. Необходимость применения данного способа правового регулирования обуславливается общей эффективностью юридической формы закрепления различных требований социальной жизни (в том числе, экономики и морали) [4].

Нормативная регламентация оперативно-розыскной деятельности также содержит примеры использования соответствующего способа правового регулирования. Законодатель в части 8 статьи 5 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»² закрепляет ряд запретов для органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, направленных на недопустимость ограничений основных прав и свобод личности.

Одним из недавних примеров использования рассматриваемого способа правового регулирования является установление ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³ абсолютного запрета на доступ государственным или негосударственным органам к сведениям об имуществе, контролируемым иностранными компаниями и счетам (вкладам) в банках, указанным рядом категорий лиц в специальных декларациях. Соответствующая информация не может быть использована в качестве осно-

вания для возбуждения уголовного дела, производства по делу об административном и (или) налоговом правонарушении. Сведения и документы из специальной декларации могут выступать в качестве доказательств в рамках уголовного дела, об административном и (или) налоговом правонарушении только в случае добровольного приобщения их лицом, подавшим специальную декларацию (далее – декларантом).

Установление вышеуказанным Федеральным законом в 2015 году соответствующих абсолютных запретов является одним из инструментов развития института реверсии налоговой базы в юрисдикцию Российской Федерации. Его разработка была осуществлена в рамках реализации инициатив Президента РФ по «амнистии капитала»⁴ и предусматривала решение задачи по обеспечению гарантий правовой защиты имущественных интересов физических лиц, участвующих в добровольном декларировании имущества и счетов (вкладов) в банках, конфиденциальности полученной информации, освобождения таких физических лиц от уголовной, административной ответственности и ответственности за налоговые правонарушения.

На основе сложившейся с 2015 года неоднозначной судебно-следственной практики [5] содержание рассматриваемого абсолютного запрета было актуализировано и разъяснено Президиумом Верховного Суда Российской Федерации в утвержденных 30 октября и 13 ноября 2019 года ответах на

² Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 2 августа 2019 г.) [Электронный ресурс] // СПС Консультант плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 25.10.2020).

³ О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ (в ред. от 2 декабря 2019 г.) [Электронный ресурс] // СПС Консультант плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180745/ (дата обращения: 25.10.2020).

⁴ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 4 декабря 2014 г. // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173> (дата обращения 25.10.2020).

⁵ Ответ на вопрос о применении в уголовном судопроизводстве отдельных положений статьи 4 Федерального закона от 8 июня 2015 года № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 30 октября 2019 года) [Электронный ресурс] // СПС Консультант плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_336553/ (дата обращения: 25.10.2020).

вопросы о применении в уголовном судопроизводстве отдельных положений статьи 4 вышеуказанного Федерального закона⁵ и о дополнительных гарантиях декларантов и лиц, информация о которых содержится в специальной декларации, касающейся их привлечения к административной и налоговой ответственности⁶.

В ответе на вопрос от 30 октября 2019 года Президиум Верховного Суда Российской Федерации отдельно отметил, что коллизии между соответствующими положениями ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» должны «разрешаться в пользу последнего, исходя из того, что Федеральный закон от 8 июня 2015 года № 140-ФЗ предусматривает в отношении отдельных категорий лиц дополнительные гарантии их прав и свобод как участников уголовного судопроизводства»⁷.

11 ноября 2019 года Президент Российской Федерации на совещании с членами Правительства отдельно отметил, что «...закон об амнистии капитала установил абсолютный запрет на использование деклараций, поданных в ходе амнистии капитала, в качестве основания для уголовного преследования...», а также поручил обеспечить контроль и своевременное реагирование на факты несоблю-

дения соответствующих положений законодательства.

27 декабря 2019 года с целью дополнительного обеспечения гарантий, предусмотренных «амнистией капитала», в статье 75, 140 и 164 Уголовно-процессуального кодекса РФ законодателем был внесён ряд изменений и дополнений⁸, в том числе к недопустимым доказательствам были отнесены полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) и следственных действий сведения о фактах подачи специальных деклараций и документальная информация, к ним прилагающаяся. Кроме этого, поправками предусматривается запрет на использование в качестве поводов к возбуждению уголовного дела факта представления специальной декларации, документов и сведений, к ней прилагающихся, а также оговаривается недопустимость их изъятия при производстве следственных действий.

Принимая во внимание разъяснения Президиума Верховного Суда Российской Федерации и дополнения в положения УПК РФ, представляется целесообразным рассмотреть особенности механизма действия соответствующего абсолютного запрета с точки зрения теории и практики оперативно-розыскной деятельности.

По нашему мнению, при рассмотрении поставленных в статье вопросов нужно отталкиваться от положений статьи 17 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и ч. 2 ст. 55 Конституции РФ, в соответствии с которыми в Российской Федерации не могут «издаваться законы, отменяющие или умаляющие права человека и гражданина». Именно этот конституционный принцип предлагается использовать Президиумом Верховного Суда Российской Федерации при разрешении коллизий между отдельными положениями ФЗ «Об оперативно-розыскной

⁶ Ответ на вопрос о применении отдельных положений статьи 4 Федерального закона от 8 июня 2015 года № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 13 ноября 2019 года) [Электронный ресурс] // СПС Консультант плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_337461/ (дата обращения: 25.10.2020).

⁷ Стенограмма совещания Президента Российской Федерации В. В. Путина с членами Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2019 г. // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/62010> (дата обращения 25.10.2020).

⁸ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 498-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС Консультант плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341805/ (дата обращения: 25.10.2020).

деятельности» и ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Свою правовую позицию по данному вопросу неоднократно высказывал Конституционный Суд Российской Федерации. В частности, в постановлении от 29 июня 2004 года № 13-П⁹ и определении от 8 ноября 2005 года № 439-О¹⁰ орган конституционного контроля отмечал, что «в случае коллизии между различными законами равной юридической силы приоритетными признаются последующий закон и закон, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений», а также «акт, предусматривающий больший объём прав и свобод граждан и устанавливающий более широкие их гарантии».

Рассматривая вопрос соотношения указанных выше равнозначных федеральных законов, следует отметить, что ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» однозначно может быть отнесён к составляющему правовую основу оперативно-розыскной деятельности перечню законодательных актов, закрепляющих механизмы предоставления различных видов гарантий и обеспечения защиты различных прав граждан.

---

⁹ По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 года № 13-П [Электронный ресурс] // СПС Консультант плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48286/ (дата обращения: 25.10.2020).

¹⁰ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2005 года № 439-О по жалобе граждан С. В. Бородина, В. Н. Буробина, А. В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] // СПС Консультант плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_57939/ (дата обращения: 25.10.2020).

Как отмечает профессор А. Е. Чечётин, включение подобных нормативно-правовых актов в правовую основу оперативно-розыскной деятельности «является одним из признаков перехода российской правовой системы к демократии, поскольку курс на построение правового государства включает и изменение характера правового регулирования». По его мнению, в данном случае можно говорить о принятом в демократическом обществе принципе императивного ограничения деятельности правоохранительных органов, то есть примере использования разрешительного метода правового регулирования, который коротко можно сформулировать так: «Разрешено лишь то, что прямо установлено в законе» [5, с. 36].

Основной отличительной особенностью ОРД как отдельного вида правоохранительной деятельности является её разведывательно-поисковая сущность, то есть общая ориентированность на скрытое добывание в криминальной среде упреждающей информации, играющей важную роль в эффективном противодействии преступности. Нормативно-закрепленной содержательной основой ОРД являются оперативно-розыскные мероприятия, которые в большинстве случаев направлены на непосредственное выявление и документальную фиксацию фактических данных, используемых для решения различных задач ОРД или применения в качестве источника доказательств в уголовном процессе.

В теории оперативно-розыскной деятельности при рассмотрении структуры оперативно-розыскного мероприятия специалистами выделяется ряд содержательных элементов. Применительно к теме настоящей статьи особое значение представляет такой элемент структуры ОРМ, как объект проведения оперативно-розыскного мероприятия, под которым понимается «то, на что направлено конкретное оперативно-розыскное мероприятие, в отношении кого или чего при его проведении осуществляется сбор оперативно-розыскной информации» [5, с. 71]. К объектам ОРМ обычно относят «лиц, представляющих оперативный интерес, криминогенные объек-

ты и предметы, носители оперативно-розыскной информации» [5, с. 73].

Основными объектами проведения оперативно-розыскных мероприятий являются физические лица, которых можно подразделить на две категории. К первой относятся лица, подготавливающие, совершающие или совершившие преступления, ко второй – непосредственно непричастные к противоправной деятельности, но располагающие оперативно-значимой информацией.

Исходя из положений ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и части 3 статьи 761 УК РФ, следует подчеркнуть, что в качестве объектов проведения оперативно-розыскных мероприятий не могут выступать отдельные физические лица, в отношении которых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, получены сведения о факте совершения или причастности к совершению в период до 1 января 2019 года уголовно-наказуемых деяний, закреплённых статьей 193, частями 1 и 2 статьи 194, статьями 198, 199, 199¹ и 199² УК РФ, если данные деяния связаны с приобретением (формированием источников приобретения), использованием, либо распоряжением имуществом или денежными средствами, указанными в специальной декларации.

Критериями выделения данной группы физических лиц является их принадлежность к следующим категориям:

1) декларантов, то есть физических лиц, являющихся гражданами Российской Федерации, иностранными гражданами или лицами без гражданства, представивших в установленном порядке специальную декларацию до 1 января 2019 года;

2) номинальных владельцев имущества, указанного в специальной декларации до 1 января 2019 года, то есть физических лиц, осуществляющих права собственника имущества в интересах и (или) по поручению декларанта, на основании договора номинального владения имуществом;

3) физических лиц, выполняющих организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в юридических лицах, в случае указания в поданной до 1 января 2019 года специальной декларации сведений об участии соответствующих хозяйствующих субъектов в процессе приобретения (формирования источников приобретения), использования либо распоряжения имуществом и (или) контролируемые иностранными компаниями, и (или) открытия и (или) зачисления денежных средств на указанные декларантом счета (вклады).

Кроме этого, значимым условием отнесения физических лиц к данной категории объектов ОРМ является отсутствие факта возбуждения на дату предоставления специальной декларации в отношении них уголовного дела по вышеуказанным экономическим преступлениям налоговой направленности.

Анализ положений ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и смежных нормативно-правовых актов позволяет также выделить иную группу физических лиц, непосредственно непричастных к противоправной деятельности, но располагающих оперативно-значимой информацией, которые не могут быть объектами оперативно-розыскных мероприятий.

Так, в соответствии с частью 6 статьи 4 ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и частью 8 статьи 102 Налогового кодекса Российской Федерации сведения, содержащиеся в специальной декларации и документах и (или) сведениях, прилагаемых к декларации, признаются налоговой тайной без каких-либо исключений. Разглашение сведений и документов, прилагаемых к специальной декларации, является основанием для привлечения к уголовной ответственности по части 1 статьи 183 УК РФ.

Пункт 3 части 8 статьи 102 Налогового кодекса устанавливает иммунитет сотрудников налоговых органов на привлечение к различ-

ным видам ответственности за отказ от дачи показаний по обстоятельствам, связанным с подачей и содержанием специальной декларации.

Таким образом, можно сделать вывод, что объектами оперативно-розыскных мероприятий, направленных на получение сведений о факте подачи или указания в специальной декларации отдельных категорий физических лиц, а также информации, содержащейся в данных документах, не могут быть должностные лица налоговых органов, которым такие сведения стали известны по роду службы.

В современной практике оперативно-розыскного противодействия преступлениям экономической и коррупционной направленности, а также уголовно-наказуемым деяниям, связанным с легальным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, важнейшими объектами проведения оперативно-розыскных мероприятий выступают юридические лица, а также иные виды хозяйствующих субъектов. Соответствующая ориентированность оперативно-розыскных мероприятий обусловлена общей тенденцией к усложнению механизма совершения уголовно-наказуемых деяний, а также текущим уровнем социально-экономического развития общества, позволяющим эффективно маскировать различные противоправные деяния или легализацию преступных доходов под законные хозяйственные операции. Наиболее типичным и распространённым примером проведения подобных оперативно-розыскных мероприятий является проводимое в порядке ст. 26 ФЗ «О банках и банковской деятельности»¹¹ гласное ОРМ «Наведение справок», представляющее собой получение в кредитной организации на основании судебной санкции справки по операциям и счетам юридических лиц. Выделяя в качестве объектов оперативно-розыскных мероприятий юридические лица, а также иные виды хозяйствующих субъектов, следует отме-

тить, что данный критерий классификации носит во многом прикладной, оперативно-тактический характер. При организации проведения, оценки законности оперативно-розыскных мероприятий и допустимости использования результатов ОРД, правоприменители должны ориентироваться на положения отечественной доктрины уголовного права, которая придерживается принципа *societas delinquere non potest*¹², а при определении наличия в деянии состава преступления в основном ориентируется на различные формы вины, привязанные к конкретному физическому лицу [6].

Анализируя положения ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и части 3 статьи 761 УК РФ, можно сделать вывод, что в качестве объектов проведения оперативно-розыскных мероприятий не могут выступать юридические лица, а также иные виды хозяйствующих субъектов. Общим условием применения абсолютного запрета на проведение мероприятий в отношении данных объектов ОРМ, как и вышеуказанных категорий физических лиц, является наличие оперативно-розыскной информации о фактах использования данных юридических лиц в механизме совершения в период до 1 января 2019 года, уголовно-наказуемых деяний, закреплённых статьёй 193, частями 1 и 2 статьи 194, статьями 198, 199, 199¹ и 199² УК РФ, если данные деяния связаны с приобретением (формированием источников приобретения), использованием либо распоряжением имуществом или денежными средствами, указанными в специальной декларации.

Критериями выделения данной группы объектов оперативно-розыскных мероприятий является их принадлежность к следующим категориям:

1) российской или иностранной организации, в которой декларант или номинальный владелец напрямую владеет акциями, долями или паями в уставном (складочном) капитале на дату предоставления специальной декларации;

¹¹ О банках и банковской деятельности : Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 (в ред. от 27 декабря 2019 г.) [Электронный ресурс] // СПС Консультант плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/(дата обращения: 25.10.2020).

¹² Общество не может быть преступным (лат.)

2) иностранной организации, признаваемой контролируемой иностранной компанией, в отношении которой декларант признаётся контролирующим лицом;

3) иностранной структуре без образования юридического лица, признаваемой контролируемой иностранной компанией;

4) юридических лиц – номинальных владельцев имущества, указанного в поданной до 1 января 2019 года специальной декларации, то есть организации, осуществляющей права собственника имущества в интересах и (или) по поручению декларанта, на основании договора номинального владения имуществом.

Статья 6 ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» детализирует содержание абсолютного запрета на проведение ОРМ в отношении юридических лиц, распространяя его только на хозяйственные общества со статусом международной компании, которые на основании ФЗ «О международных компаниях и международных фондах»¹³ прошли государственную регистрацию в Российской Федерации в порядке редомициляции.

К группе юридических лиц, обладающих иммунитетом от проведения ОРМ, можно также отнести структурные подразделения ФНС России, нормативно наделённые функциями по хранению и обеспечению доступа к специальным декларациям, а также прилагающимся сведениям и документам. Правовые основы данных положений абсолютного запрета нами были рассмотрены выше.

Предметы-носители оперативно-розыскной информации выделяются специалистами в отдельную группу объектов ОРМ. К их

числу обычно относятся орудия и предметы преступлений; изделия, вещества и предметы, изъятые или ограниченные в гражданском обороте; иные объекты, потенциально могущие обладать доказательственным значением (следы пальцев рук, обуви, транспортных средств, крови, волос, выделений человека). Тактика документирования уголовно-наказуемых деяний экономической и коррупционной направленности в основном базируется на проведении оперативно-розыскных мероприятий, направленных на получение предметов-носителей документированной информации. В соответствии со статьей 2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», под термином «документированная информация» понимается «зафиксированная на материальном носителе путём документирования информация с реквизитами, позволяющими определить такую информацию, или в установленных законодательством случаях её материальный носитель»¹⁴. К данной категории предметов-объектов ОРМ можно отнести бумажные или электронные документы, фиксирующие различные юридические факты, финансовые операции и сделки, а также содержащие сведения о ходе их проведения.

Анализируя положения ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и пункты 2.2 и 2.3 части второй статьи 75 УПК РФ, можно сделать вывод, что законодателем установлен абсолютный запрет на проведение ОРМ целевым образом, направленных на получение документированной информации в форме:

1. Оригинала или копии специальной декларации, в том числе в электронном виде.
2. Оригиналов или копий документов, прилагаемых к специальной декларации, в том числе в электронном виде.

¹³ О международных компаниях и международных фондах: Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 290-ФЗ (в ред. от 26 ноября 2019 г.) [Электронный ресурс] // СПС Консультант плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304052/ (дата обращения: 25.10.2020).

¹⁴ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006

№ 149-ФЗ (ред. от 08.06.2020) [Электронный ресурс] // СПС Консультант плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 25.10.2020).

3. Сведений о фактах подачи специальной декларации.

4. Сведений об указании физических или юридических лиц, а также иных видов хозяйствующих субъектов в специальной декларации.

Статья 10 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» закрепляет право уполномоченных государственных органов на заведение в целях собирания и систематизации результатов ОРД дел оперативного учёта (далее – ДОУ). Работа в рамках ДОУ осуществляется при наличии оснований для проведения ОРМ, перечисленных в пунктах 1–6 части первой статьи 7 вышеуказанного закона. Пункт 2 части первой статьи 7 в качестве одного из оснований проведения ОРМ и заведения ДОУ устанавливает наличие сведений о «признаках подготавливаемого, совершаемого или совершённого противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных оснований для решения вопроса о возбуждении уголовного дела». Учитывая положения ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и части 3 статьи 76¹ УК РФ, можно сделать вывод о невозможности заведения ДОУ на основании полученных оперативно-розыскным органом сведений о совершении в период до 1 января 2019 года уголовно-наказуемых деяний, предусмотренных статьёй 193, частями 1 и 2 статьи 194, статьями 198, 199, 199¹ и 199² УК РФ, если данные деяния связаны с приобретением (формированием источников приобретения), использованием либо распоряжением имуществом, или денежными средствами, указанными в специальной декларации.

В пунктах 2.2 и 2.3 части второй статьи 75 УПК РФ законодатель закрепил право де-

кларанта на добровольное приобщение к уголовному делу копий специальных деклараций и прилагаемых документов, а также сведений из них. Основываясь на принципе аналогии закона¹⁵, мы предполагаем, что сведения и копии документов, содержащиеся в специальной декларации, могут в ряде случаев правомочно выступать в качестве результатов ОРД, которые использованы в уголовном процессе как источники доказательств. К такой ситуации относится инициативное добровольное предоставление декларантом соответствующей документированной информации оперативно-розыскному органу в рамках как гласных ОРМ, так и мероприятий, содержащих элементы гласности [7]. Условием легитимности проведения подобных оперативно-розыскных мероприятий и получения подобных результатов ОРД представляется их осуществление в отношении объектов ОРМ, доведённых до сведения декларанта и не подпадающих под требования рассматриваемого абсолютного запрета.

В негласном режиме предоставление соответствующей документированной информации является допустимым в инициативном порядке со стороны декларанта в рамках реализации института содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

Рассматривая особенности механизма действия соответствующего абсолютного запрета в оперативной работе, следует отметить, что с точки зрения теории ОРД, данные новеллы законодательства формируют один из новых видов оперативно-розыскного иммунитета, под которым специалисты понимают «законодательно урегулированные дополнительные правовые гарантии защищённости отдельных категорий лиц, выполняющих значимые государственные или общественные функции, выражающиеся в исключительном порядке осуществления в отношении них ОРД» [8].

В завершение статьи представляется целесообразным остановиться на трёх проблемных моментах, которые обращают на себя внимание при рассмотрении вопросов механизма дей-

¹⁵Прим. автора: Принцип аналогии закона нормативно закреплён в ч. 6 ст. 15 КАС РФ, в рамках главы 22 которого установлен порядок обжалования действий должностных лиц, совершённых в том числе при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий и не подлежащих обжалованию в порядке уголовного судопроизводства.

ствия соответствующего абсолютного запрета с точки зрения теории и практики оперативно-розыскной деятельности.

Одной из основных общепринятых организационно-тактических форм оперативно-розыскной деятельности является оперативный поиск, под которым понимается «получение и проверка первичной информации о лицах и фактах, представляющих оперативный интерес, вне связи с конкретным лицом или фактом с последующим выделением последних из общей массы»¹⁶. В рамках реализации данной тактической формы ОРД оперативными подразделениям в основном используются сигнальные возможности института гласного и негласного содействия граждан в сочетании с проведением комплексов несанкционируемых ОРМ. Объектом проведения мероприятий выступают отдельные криминогенные группы, объекты, участки местности, а также население, проживающее на территории с высоким уровнем преступности.

Сотрудники правоохранительных органов, в чьи обязанности входит оперативно-розыскное противодействие налоговым преступлениям, в обязательном порядке используют рассматриваемую форму превентивной разведки в криминогенной среде отдельных групп лиц или объектов, потенциально обладающих признаками того, что внутри или на них, подготавливаются, совершаются или совершены специфические уголовно-наказуемые деяния экономической направленности. Безусловно, проведение соответствующих комплексов оперативно-розыскных мероприятий не может носить неограниченную форму и должно основываться исключительно на положениях части 2 статьи 7 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

Учитывая обстоятельство, что сведения о непосредственном факте подачи конкретным физическим лицом специальной декларации в налоговые органы относятся к информации, составляющей налоговую тайну и имеющей строго ограниченную процедуру выдачи, остаётся

непонятным, как оперативные сотрудники, в чьи функции входит противодействие данному виду преступности, смогут правомочно реализовать положения абсолютного запрета на проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении вышеуказанной категории физических и юридических лиц в рамках рассматриваемой оперативно-тактической формы ОРД. В данном случае можно поддержать позицию профессора В. Ф. Луговика, который, рассматривая смежные проблемные вопросы оперативно-розыскного иммунитета, отмечает: «Что касается оперативно-розыскного правоприменения, то на фоне неопределённости правового статуса оперуполномоченного и руководителя оперативного подразделения, а также под потенциальным риском необоснованного привлечения инициативных сотрудников к ответственности, иммунитетные нормы объективно снижают их оперативно-розыскную активность» [9]. Выход из сложившейся ситуации учёный видит в «законодательном закреплении перечня ОРМ и действий, проведение которых в отношении лиц, обладающих неприкосновенностью, осуществлялось бы в особом порядке» [9]. В перечень подобных мероприятий В. Ф. Луговик относит ОРМ, ограничивающие конституционные права личности, а также оперативно-розыскные действия с элементами принуждения.

Второй проблемный вопрос относится к потенциально возможным ситуациям, связанным с так называемым «попутным» получением результатов ОРД, содержащих сведения и копии документов из специальной декларации, при проведении оперативно-розыскных мероприятий имеющих иную целевую направленность. В случае обнаружения подобных материалов в ходе проведения ОРМ, особенно технического характера, оперативные сотрудники объективно не могут волевым образом повлиять на процесс документирования указанных сведений и, по нашему мнению, вполне правомочно могут их использовать при подготовке и осуществлении иных ОРМ, следственных и судебных действий, не связанных с выявлением совершённых спецдекларантами в период до 1 января 2019 года уголовно наказуемых деяний,

¹⁶ Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под. ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Сирилова. – Москва: Инфра-М, 2006. – С. 448.

закреплённых статьёй 193, частями 1 и 2 статьи 194, статьями 198, 199, 199¹ и 199² УК РФ, если данные деяния связаны с приобретением (формированием источников приобретения), использованием либо распоряжением имуществом или денежными средствами, указанными в специальной декларации. Законодательные запреты отсутствуют и на использование подобных результатов ОРД для целей розыска лиц, скрывшихся от органов предварительного расследования и суда, уклоняющихся от исполнения наказания и без вести пропавших, имущества, подлежащего конфискации, для принятия решений о достоверности представленных государственным или муниципальным служащим, либо гражданином, претендующим на должность судьи.

Последний проблемный вопрос также относится к потенциальной ситуации обнаружения и возможности изъятия соответствующих документов, в ходе проводимого в гласной форме с иными целевыми задачами ОРМ «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств». Общие требования к проведению изъятий в рамках подобных гласных мероприятий закреплены в части 1 статьи 15 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Тем не менее сложившаяся за последние годы практика проведения гласного ОРМ «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» не позволяет говорить об устоявшемся однообразном подходе правоприменителей к его проведению и неизбежно становится предметом для научной дискуссии¹⁷ [10].

¹⁷ Чечётин А. Е., Каунов А. В. О правовом регулировании гласного обследования в оперативно-розыскной дея-

В этой связи следует отметить, что, устанавливая дополнительные гарантии для рассматриваемой категории лиц, законодатель 27 декабря 2019 года дополнил части 4.1 статьи 164 УПК РФ положениями о недопущении изъятия при производстве следственных действий специальной декларации и (или) документов и сведений, прилагаемых к указанной декларации. Конечно, учитывая принцип аналогии закона, можно экстраполировать данные требования на процесс изъятия подобных документов при проведении гласных ОРМ, особенно «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», целевым образом направленных на получение достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела посредством их проведения. Но встаёт вопрос, что делать, если оперативно-розыскные мероприятия проводятся не на основаниях части 1, пункта 1 части 2 и части 3 статьи 7 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». По нашему мнению, в данном случае необходимо опираться на правовую позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в упоминавшемся выше определении № 439-О от 8 ноября 2005 года, установившую, что «приоритет УПК РФ действует лишь при условии, что речь идёт о правовом регулировании уголовно-процессуальных отношений». С целью урегулирования данной правовой коллизии, законодателю целесообразно рассмотреть вопрос о закреплении абсолютного запрета на изъятие материалов спецдеклараций в рамках гласных оперативно-розыскных мероприятий путём внесения соответствующих дополнений в часть 1 статьи 15 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

тельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 4 (80). – 140–150.

Список литературы

1. Нурмагамбетов Р. Г. Конституционно-правовые запреты, ограничения и дозволения как способы правового регулирования общественных отношений // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Право». – 2007. – № 12 (90). – С. 71–78.
2. Головкин Р. Б. Некоторые аспекты ограничения ограничений в праве // Юридическая техника. – 2018. – № 12. – С. 127–132.
3. Малько А. В. Запреты как средство правовой политики // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2012. – № 1 (11). – С. 3–11.

4. *Алексеев С. С.* Общие дозволения и общие запреты в советском праве. – Москва: Юридическая литература, 1989. – 288 с.
5. *Пастухов И. [и др.]*. Дело В. Израйлита: полная амнистия // Закон. – 2019. – № 11. – С. 31–38.
6. *Чечётин А. Е.* Обеспечение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий : монография. – Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. – 232 с.
7. *Миняева Т. Ф., Серебренникова А. В.* Уголовная ответственность юридических лиц в России и Германии: к постановке проблемы // Lex russica (Русский закон). – 2017. – № 2 (123). – С. 147–154.
8. *Кольцов Д. В.* Гласность и негласность как критерии классификации оперативно-розыскных мероприятий (научная статья) / Сборник научных трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения – 2019». 17–18 мая 2019 г. – Гатчина: Изд-во Государственного института экономики, финансов, права и технологий, 2019. – С. 336–338.
9. *Луговик В. Ф.* Оперативно-розыскной иммунитет: проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности // Оперативно-розыскное право. – 2020. – № 1. – С. 3–5.
10. *Бакланов Л. А., Панюшин Д. Б.* Проведение гласного обследования жилища без согласия его собственников: Pro et contra // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2018. – № 2 (45). – С. 78–84.
11. *Лаврентьев В. А.* Использование компаративистского подхода при изучении иммунитетов в оперативно-розыскной деятельности // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2018. – № 2 (20). – С. 117–121.

References

1. *Nurmagambetov R. G.* Konstitutsionno-pravovye zaprety, ogranicheniya i dozvoleniya kak sposoby pravovogo regulirovaniya obshchestvennykh otnoshenii // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2007. – № 12 (90). – S. 71–78.
2. *Golovkin R. B.* Nekotorye aspekty ogranicheniya ogranichenii v prave // Yuridicheskaya tekhnika. – 2018. – № 12. – S. 127–132.
3. *Mal'ko A. V.* Zaprety kak sredstvo pravovoi politiki // Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Pravo. – 2012. – № 1 (11). – S. 3–11.
4. *Alekseev S. S.* Obshchie dozvoleniya i obshchie zaprety v sovetskom prave. – Moskva: Yurid. lit., 1989. – 288 s.
5. *Pastukhov I. [i dr.]*. Delo V. Izrailita: polnaya amnistiya // Zakon. – 2019. – № 11. – S. 31–38
6. *Chechetin A. E.* Obespechenie prav lichnosti pri provedenii operativno-rozysknykh meropriyati: monografiya. – Sankt-Peterburg: Izd-vo SPb un-ta MVD Rossii, 2016. – 232 s.
7. *Minyazeva T. F., Serebrennikova A. V.* Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits v Rossii i Germanii: k postanovke problemy // Lex russica (Russkii zakon). – 2017. – № 2 (123). – S. 147–154.
8. *Kol'tsov D. V.* Glasnost' i neglasnost' kak kriterii klassifikatsii operativno-rozysknykh meropriyati (nauchnaya stat'ya) / Sbornik nauchnykh trudov po materialam VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Aktual'nyye problemy nauki i praktiki: Gatchinskiye chteniya – 2019». 17–18 maya 2019 g. – Gatchina: Izd-vo Gosudarstvennogo instituta ekonomiki, finansov, prava i tekhnologiy, 2019. – S. 336–338.
9. *Lugovik V. F.* Operativno-rozysknoi immunitet: problemy ispol'zovaniya rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti // Operativno-rozysknoe pravo. – 2020. – № 1. – S. 3–5.
10. *Baklanov L. A., Panyushin D. B.* Provedenie glasnogo obsledovaniya zhilishcha bez soglasiya ego sobstvennikov: Pro et contra // Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii. – 2018. – № 2 (45). – S. 78–84.
11. *Lavrent'ev V. A.* The use of a comparative approach in the study of immunities in operational-search activity // Investigation of crimes: problems and solutions. - 2018. - No. 2 (20). - S. 117–121.

Статья поступила в редакцию 10.09.2020 г.